

Эпистемологические проблемы генезиса философствования в первоначальной (наивной) форме

С. В. БОРИСОВ

Генезис философствования в первоначальной форме ярко и наглядно проявляет себя в сопоставлении с «миром наивности» детства. Философствование в своей первоначальной (наивной) форме еще не мыслит мира, но субъект философствования мыслит себя, как мир. Мир, с точки зрения «наивной» позиции, не есть еще предмет мысли, противопоставленный субъекту объект. Наивное философствование, таким образом, представляет собой сложную совокупность разнообразных формообразующих потенций. Однако мы обнаруживаем в этом четкое структурное единство и условия для дальнейшего развития. Мы исходим из представления о детстве, как о возрастном периоде, ограниченном, в контексте нашей проблематики, не столько хронологическими, сколько феноменологическими рамками: с момента возникновения чувства «я сам», вхождения ребенка в языковую реальность и овладения речью как необходимых условий

философствования (так называемый «кризис трех лет»), до момента рефлексивного открытия своего внутреннего мира, становления самосознания как переходного периода к «взрослому» состоянию сознания (так называемый «кризис тринадцати лет»). Следует признать, что граница «взрослый–ребенок» является все-ма условной в гармоничной целостности человека. Мы считаем, что именно наивное философствование во многом определяет этого целостного человека, формирует его духовность, защищает от различных форм социального и психологического принуждения и отчуждения, нацеливает на поиск смысла жизни. В связи с этим открывается возможность онтогенетического исследования тех специфических состояний интеллектуальных открытий, которые переживал когда-то каждый, будучи ребенком, – ведь то, что он тогда открыл, понял и высказал, оказало значительное влияние на формирование его взрослой жиз-

ни. Наивное философствование представляет собой некий основополагающий мыслительный и экзистенциальный опыт человека. Его воспроизводство интегрирует различные сферы человеческой сущности, а значит на человека оказывают огромное воздействие его «детские» размышления по поводу его места в мире и отношений с миром.

Наивное философствование можно рассматривать как особое качественное состояние. Это спонтанный процесс интеллектуальной деятельности, основанный на обыденно-практическом знании, уходящем своими корнями в мифическое сознание. Этим оно отличается от философствования в его «школьном» значении как процесса упорядоченного, основанного на определенном целостно-системном знании, концептуально-обобщенных идеях. Для нас важна разница между определениями *начала философии* и *оснований философствования*, которые нельзя отождествлять. Начало исторично и несет последующим поколениям растущее множество предпосылок, установок через посредство уже проделанной мыслительной работы. Основание же – это индивидуальный импульс к философствованию. Лишь благодаря этому импульсу для человека становится сущностной философия вообще.

Итак, каковы же в таком случае дефиниции используемых нами понятий «философствование», «наивность», «теоретиче-

ское философствование», «наивное философствование».

Философствование можно определить как критико-рефлексивный процесс осмысления экзистенциальных вопросов состояний бытия человека в мире. Специфичность философствования заключается не в предмете, а в способе отношения человека к бытию. Философское мышление есть творческий процесс конструирования бытия в форме проблемы; иначе говоря, его специфичность проявляется преобразованием наличной действительности в проблему. Философствование является выражением основных убеждений человека, его мировоззренческой позиции, это духовный акт, в котором действует не только интеллект, но вся совокупность духовных сил человека, включая эмоциональные и волевые качества, т.е. в основе философствования лежит опыт человеческого существования во всей его полноте.

Наивность есть спонтанность, естественность, непосредственность, открытость, «детскость» отношения к бытию. Наивность можно понимать как первоначально естественную искренность человека (И. Кант)¹, как «тело дословности», в котором нет места опосредованию (Ф.И. Гиренок)².

В этом плане наивность можно рассматривать как критику чистого разума, который большей частью симулятивен (Ж. Делёз); си-

¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч.: В 8 т. М., 1994. Т. 7. С. 148–149.

² Гиренок Ф.И. Археография наивности // *Философия наивности*. М., 2001. С. 23.

муляция же обозначает силу, способную производить эффект в смысле «знака», возникающего в процессе сигнализации³; это умение «знать», не думая и не заботясь о добывании знания с помощью мобилизации собственных, имеющихся в наличии познавательных ресурсов.

Наивность можно рассматривать как базовую установку познания. В этом качестве она предполагает цельное, непосредственно-дорефлективное «схватывание» мира в повседневной жизни. В силу принципиальной открытости спонтанным изменениям такое познание непредсказуемо и не может быть адекватно формализовано, а также не может быть опосредовано каким-либо уже имеющимся знанием о мире. Однако само познание такого типа возможно, благодаря укорененности постигающего человека в бытии. Такова наивность ребенка как некая интенция к интеллектуальной деятельности, философской рефлексии, сама по себе не рефлекслируемая.

Теоретическое философствование в его «школьном», академическом значении является своего рода «отрицанием» наивности. Это форма интеллектуальной деятельности, направленная на постановку, анализ и решение мировоззренческих проблем, связанных с выработкой целостного взгляда на мир и человека⁴, базирующаяся на теоретических методах опосредованного постижения

действительности с использованием особых логических и гносеологических критериев для обоснования своих положений. Проблемы теоретического философствования характеризуются предельностью, фундаментальностью, универсальностью; его темы имеют абстрактный, самоценный, экстраординарный, «возвышенный», «эталонный», всечеловеческий характер⁵. Теоретическое философствование, основанное на примате теоретического («чистого», спекулятивного) разума, стремится к аннигиляции эмоционально-волевых факторов познавательного отношения. Как своеобразное «отрицание» наивности, теоретическое философствование есть утрата спонтанности, непосредственности и открытости процесса осмысления бытия человека в мире в силу детерминации этого процесса нормативами абстрактно-логического мышления, в основе которого лежит телеологическая интенция на построение законченной, «закрытой» теоретической системы обоснованного знания.

Синтезируя понятия «наивность» и «философствование», мы приходим к понятию *наивного философствования*. В нашем понимании, это – процесс, основанный на дотеоретическом, интуитивно-созерцательном, дорефлективно-непосредственном «схватывании» сознанием вопрошающего и интерпретирующего субъекта мира повседневной жиз-

³ Делёз Ж. *Логика смысла*. М.–Екатеринбург, 1998. С. 342.

⁴ Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 486.

⁵ Стёпин В.С. Философия // Новейший философский словарь. Мн., 2003. С. 1083.

ни. Наивное философствование обнаруживает себя в предметных границах обыденно-практического знания, жизненно-мира индивида. Хотя оно коренится в мифическом сознании, но, как процесс философствования, содержит в себе рефлексивные, экзистенциальные и критические компоненты; по сути – это саморефлексия мифа всеми доступными интеллектуальными средствами, но при этом миф остается символом единства, радости, знания, веры. Начинаясь с таких концептуальных аффектов, как *удивление, сомнение, переживание экзистенциальных состояний*, наивное философствование находит прямое продолжение

в интеллектуальной игре, как форме *коммуникации*. Коммуникация рассматривается нами как необходимое условие осуществления наивного философствования, поэтому оптимальным способом его реализации является живая беседа в форме *диалога, полилога*, провоцируемого спонтанным *вопросанием*. Наивное философствование выступает как попытка рационального постижения мифа, однако при этом миф остается главным средством мировосприятия и миропонимания.

В онтогенетической перспективе философствования можно заметить своего рода *возврат к его наивной форме*. Речь идет о проявлении личностно-экзистенциального характера осмысления философских проблем, когда познание в форме философствования предстает как обретение дей-

ствительности в ситуации, в которой в тот или иной момент оказывается человек. В процессе такого философствования человек определяет себя посредством своего осуществления, и оно выступает как то, посредством чего человек становится самим собой, в то время как он становится сопричастным действительности⁶.

Основания наивного философствования (удивление, сомнение, переживание экзистенциальных состояний) исходят из первоначального тождества и дорефлексивной неразличимости жизненного мира. Однако горизонтам жизненного мира («*пограничью*») всегда присуще состояние раскола и противопоставленности, где мысль, изначально сращенная с природным, начинает постепенно осознавать себя через проявление деятельностной активности тела. Рефлексия по поводу «пограничных зон» жизненного опыта, снимающая противоречие между восприятием и суждением о нем, коренящееся в проблеме универсального единства сознания – тела, представляет собой момент зарождения наивного философствования.

Оно сохраняет живую связь с мифическим сознанием; символизм мифических представлений образует некий «защитный слой» жизненного мира индивида; это неотъемлемое условие его душевного и интеллектуального комфорта, перевода эмоциональной напряженности в символическое пространство игры. Это, по сути,

⁶ Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию. Антология. М.–СПб., 2001. С. 228.

саморефлексия мифа всеми доступными интеллектуальными средствами. Мифическое объяснение связи событий и явлений рождается спонтанно, подобно сопряженному с этой мыслительной работой спонтанному, яркому впечатлению. Мифическое сознание способно применять ко всякому новому комплексу незнакомых явлений результаты жизненного опыта, добытые в других областях. Однако взаимодействие мифического и логического – это всегда проблемное, диалогичное взаимодействие.

Поскольку рефлексивное мышление вводит индивида в состояние умственного беспокойства и тревоги, заставляет балансировать на границе «знание–незнание», он зачастую начинает рассуждать до того, как что-либо основательно понял и осмыслил, чтобы избавиться от этой тревожности. Он понимает, рассуждая, исходя из «наличности» условий жизненного мира. Он, удивляясь миру, по сути, открывает для себя мир посредством вчувствования, расшифровки и индивидуального «присвоения» наличных культурных символов. Поэтому первичной формой выражения наивного философствования является *вопросание*, которое обусловлено не столько удовлетворением простого любопытства, сколько личной заинтересованностью индивида, ищущего ориентиры в новой, непривычной реальности. Структуру и проблематику вопросания можно установить как исходя из анализа способов философствования, интерпретации, так и исходя из анализа жизненного

опыта индивида, задающего базовые установки понимания и предпонимания, рефлексивного и дорефлексивного. Например, «избыточность» детских «наивных» вопросов прежде всего свидетельствует о том, что вопрошание сопряжено с рассуждением, которое порождает новый вопрос и стимулируется старым.

Однако здесь возникает новая проблема: ведь интерпретации наивного философствования зачастую лишены строгого логического следования, и это затрудняет их эпистемологическое исследование. Но бросается в глаза большая эмоциональная напряженность, присущая этим интерпретациям. Например, ребенок очень чутко к проявлению боли и страдания, поскольку проецирует их на себя. Оберегая свой жизненный мир от «вторжения» этих негативных эмоций, он пытается мифически воздействовать на «суровую» реальность, включая ее в символическое пространство смысловой игры. Поэтому мы приходим к выводу, что эмоции, встроенные в наивное философствование, способны не только воспроизводить и модифицировать некую реальность, но и создавать ее. Наивное философствование всегда окрашено положительными эмоциями, причем их вызывают сами рефлексивные процедуры. Если индивид стремится мыслить до конца, он получает особое наслаждение от процесса мышления, которое сохраняется в памяти. Поэтому, помня об этой радости, он вновь обращается к мышлению. Эта радость позволяет

преодолевать естественный сон интеллекта, просыпаться в своем повседневном существовании, преодолевать зазоры, в которые вклиниваются повседневные иррациональные желания, и сохранять непрерывность существования.

Поэтому наивное философствование можно рассматривать как весьма специфическую рефлексию экзистенциальных состояний. Переживание страха перед «ничто» отсылает индивида к основанию философствования – удивлению. Удивление порождает озабоченность как первую «рефлексивную» реакцию в зоне «пограничья». Экзистенциальное же философствование способствует лучшей интериоризации индивидом социокультурной реальности, ее освоение и присвоение, например, в контексте «языковой игры». Языковые выражения, описывающие опыт переживания, базирующиеся на рефлексии экзистенциальных состояний, становятся «орудиями» экзистенциального философствования. Совокупность этих «орудий» создает смыслы, в которых индивиду предстает «каркас» социокультурной реальности. Таким образом, для него открывается новый источник познания. Например, посредством наивного философствования индивид через комичную, а иногда «анекдотичную», демонстрацию незнания «нагляднее» утверждает само знание. Обыгрываются такие базовые для мышления категориальные отношения, как отношения части и целого, количества и качества, возможного и действительного, внешнего и внутреннего, причины и следствия и т.д.

Как установлено, конструктивные (когнитивные) построения ребенка постепенно приобретают все возрастающую сложность, несмотря на то что каждое из них начинается с разных проб, частью случайных и содержащих до достаточно позднего времени значительную часть мифического. Эта возрастающая сложность есть результат саморегуляции, и она также выражается через возрастающее уравнивание когнитивных структур. Спонтанно возникающая философская интерпретация обеспечивает когнитивное уравнивание, «играющее на повышении»; т.е. нарушение равновесия ведет не к возвращению к предыдущей форме, а к некоей лучшей форме, характеризующейся возрастанием взаимозависимостей и взаимодействия.

Мы полагаем, что в детском мышлении наличествуют необходимые базовые структуры рациональности, обеспечивающие возможность интерпретации философских проблем; что у ребенка есть необходимые субъектные предпосылки, мотивирующие данную интерпретацию, как своего рода «ответ» на «вызовы» бытия. Познание, понимание и интерпретация мыслятся нами как укорененные в историческом, социокультурном и генетическом контекстах. Поэтому мы исходим из «живой конкретности» познающего ребенка, его участного мышления и доверяем ему как ответственно поступающему в получении истинного знания и в преодолении заблуждений субъекту. Интерпретационный подход в характеристике наивного философствования рассматривается нами как в методологическом, так и в трансцен-

дентальном аспектах, так как все акты познания и понимания бытия неизбежно подлежат интерпретации, оформляются с ее помощью и, следовательно, «зависят» от нее.